

М.С. Горбачев: «...Я бы погрешил против истины, сказав, что заранее предвидел, каким путем на деле пойдет решение германского вопроса и какие проблемы возникнут в этой связи перед советской внешней политикой. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из ныне здравствующих политиков (как на Востоке, так и на Западе) за год-два до главных событий мог предсказать то, что произошло. После кардинальных перемен, произшедших в ГДР, события развивались в таком головокружительном темпе, что была реальная опасность вообще утратить над ними контроль. Сегодня, оглядываясь назад, я могу с чистой совестью сказать: **в той конкретной ситуации мы сделали максимум возможного как с точки зрения обеспечения интересов нашей страны, так и с точки зрения сохранения мира в Европе, спасения общеевропейского процесса.**

Разумеется, в 1985 году вся германская проблематика виделась из Москвы совсем в ином свете, чем сегодня. ГДР была нашим союзником; ФРГ, оставаясь для СССР на Западе торговым партнером № 1, в военно-политической табели о рангах проходила по разряду “потенциальных противников”.

Оттепель в советско-западногерманских отношениях, наступившая во времена “восточной политики” Брандта, к началу 80-х годов вновь сменилась заморозками. В условиях общего усиления напряженности курс ФРГ оценивался в Москве прежде всего в контексте советско-американского противостояния. При такой постановке вопроса вся дальнейшая цепочка рассуждений выстраивалась сама собой: ФРГ – ближайший союзник США в Европе и проводник американской линии на континенте; ФРГ – вторая после США военная “опора” НАТО, бундесвер – “первая армия” Североатлантического союза; на территории ФРГ размещены американские “першинги”, способные за несколько минут достичь территории СССР. Я говорю обо всем этом без иронии, потому что в рамках глобальной конфронтации приведенные аргументы были достаточно серьезны. А на них накладывалось психологически тяжелейшее наследие войны.

Составным элементом вытекавшей отсюда логики было и отношение в СССР к идеям “германского воссоединения”. Не стану вдаваться в историю и выяснять, кто больше виноват в расколе Германии. Думаю, до последней поры Stalin все же был готов заплатить свою цену за ее “нейтрализацию”. Но после создания НАТО и включения в нее ФРГ любые разговоры о планах объединения Германии приобрели ритуально-пропагандистский характер как на Западе, так и в Советском Союзе.

Конечно, Брежнев и Громыко совершили просчет, пойдя на поводу руководителей ГДР и официально остановившись в начале 70-х годов на варианте, подкупающем своей “простотой”, – сформировались две немецкие нации, германский вопрос “закрыт” и к нему нет смысла возвращаться. Но дело было не в теоретических построениях Ульбрихта-Хонеккера по национальному вопросу. Главное заключалось в искренней убежденности советских руководителей в том, что интересы безопасности СССР диктуют увековечение раскола Германии во что бы то ни стало.

Признаться, я тоже принимал подобную категоричность, хотя и сомневался, что можно законсервировать что-либо на веки вечные: мир находится в постоянном движении, игнорирование этого объективного закона может вести лишь к поражению, проигрышу. Когда я пришел в большую политику, существование двух германских государств было данностью и вопрос о воссоединении просто не возникал.

Когда в июне 1987 года Президент ФРГ К. фон Вайцзеккер очень осторожно и деликатно затронул вопрос о единстве германской нации, я ответил так: “Сегодня два немецких государства – реальность, из этого надо исходить. Реальностью являются Московский договор, ваши договоры с Польшей и Чехословакией, ГДР, другими государствами. На этой базе возможно эффективное развитие политических, экономических, культурных и человеческих контактов. Всякие попытки подкопаться под эти договоры достойны сурогатного осуждения. Советский Союз уважает послевоенные реальности, уважает немецкий народ в ФРГ и немцев в ГДР. На основе этих

реальностей мы намерены строить наши отношения в будущем. **История нас рассудит в свое время**”.

…И для Советского Союза, и для ГДР их взаимоотношения имели особое значение. Достаточно напомнить, что в ГДР размещалась самая мощная группировка советских войск, что первая немецкая республика рабочих и крестьян, как ее именовали с трибун в дни торжественных годовщин, являлась важнейшим звеном Организации Варшавского Договора, “форпостом социализма в Европе”.

Оба государства были крупнейшими экономическими партнерами друг для друга – ежегодный товарооборот в конце 80-х годов достигал 14-15 миллиардов рублей. Огромную роль сыграли связи между СССР и ГДР в непростом послевоенном примирении, развитии взаимополезного сотрудничества немцев с русскими, другими народами Советского Союза.

В общем-то, все это хорошо понималось и ценилось политическим руководством в Москве и Берлине. Правда, понималось и теми и другими в разные времена по-разному. В Москве при самых добрых отношениях считали, что за немцами нужен “глаз да глаз”. Ни Вальтер Ульбрихт, ни Эрих Хонеккер отнюдь не были марионетками Москвы, как это нередко изображалось или казалось на Западе.

Просто оба они в чем-то напоминали тех католиков, которые считали себя большими католиками, чем сам Папа Римский. Но времена менялись, требовала перемен и политика на этом направлении. Наш новый подход к союзникам в полной мере распространялся и на ГДР.

Хонеккера, пришедшего к руководству СЕПГ в 1971 году, и Брежнева на протяжении ряда лет связывали большие взаимные симпатии. Они нравились друг другу. Хонеккеру импонировал брежневский стиль, оба были неравнодушны к торжественным церемониям, награждениям и иной атрибутике власти. По мере того как Леонид Ильич старел, начал сдавать физически, Эрих стал чувствовать свое интеллектуальное превосходство над ним, и это тоже ему нравилось. А когда Брежнева не стало, у Хонеккера

проявились амбиции на ведущую роль в мировом коммунистическом движении.

Но главное – Хонеккер исходил из того, что под его руководством ГДР достигла выдающихся успехов: вошла в первую десятку экономически развитых стран мира, стала великой спортивной державой. И хотя, как оказалось в дальнейшем, эти успехи были сильно преувеличены, а кое в чем и фальсифицированы, действительно, достижения граждан ГДР, поднявших свои города и села из руин и пепелищ, сумевших обеспечить себе более высокие жизненные стандарты, чем в других социалистических странах, говорили о многом.

Вот тут-то – на почве этих реальных и мнимых, чисто пропагандистских успехов произошел своего рода психологический и политический сдвиг. Хонеккер стал утрачивать способность к адекватной оценке перемен в мире и в самой ГДР, непомерно преувеличивать собственную роль. Национальные интересы нередко истолковывались настолько широко, что это входило в противоречие с возможностями страны.

Я далек от намерения проводить параллель между режимами, существовавшими в ГДР и Румынии. Если последний в известной мере наводил на мысль о восточной деспотии, то первый был, скорее, образцом “казарменного коммунизма”. Жесткая “вертикальная” дисциплина, не доводимая, однако, до абсурда, оставлявшая известное поле для инициативы местных властей. Такое же, как в стране “праматери социализма”, монопольное положение компартии, но с несколько большей, сохранившейся по традиции внутрипартийной демократией. Полицейский контроль за поведением граждан, но относительно благоприятные условия для частного быта. Засилье милитаризма, но самый высокий в соцсодружестве уровень жизни.

В отличие от Чаушеску Хонеккер не допускал грубого произвола в отношении кадров. А основной состав Политбюро ЦК СЕПГ сохранялся почти без изменений на протяжении многих лет. Правда, была попытка

убрать с поста “мятежного” первого секретаря Дрезденского обкома Модрова, носившегося, по словам Курта Хагера, со своими “перестроечными фантазиями”, но в связи с обращением Москвы она так и не была осуществлена. Политбюро действовало регулярно, и на его заседаниях обсуждались вопросы внутренней и внешней политики. При всем этом в ГДР была-таки единоличная власть Генерального секретаря, и с каждым годом она становилась все уверенней, крепче, абсолютной. Коллеги по руководству могли высказывать ему свое мнение, но не смели оспаривать его право выносить окончательное решение.

Встречался я с Хонеккером достаточно часто, использовал любую возможность для бесед и обмена информацией. В апреле 1986 года, учитывая особые отношения с ГДР, я, несмотря на предельную занятость внутренними делами, решил все-таки слетать в Берлин на XI съезд СЕПГ. Это было мое второе посещение республики... Основное время ушло на участие в работе съезда и официальных мероприятиях. Было много встреч и бесед с делегациями других коммунистических и рабочих партий. Все оставшееся время я использовал для знакомства с жизнью столицы и близлежащих регионов...

Словом, эта моя поездка в ГДР в связи с XI съездом СЕПГ оказалась весьма удачной с точки зрения общения с людьми. Главная тема и моего выступления на съезде, и бесед с Хонеккером – как сделать более динамичным наше сотрудничество в экономике, политике, культуре, межпартийных отношениях...

Довольно скоро мы с Эрихом перешли на “ты”. Но вполне открытые и доверительные отношения между нами не сложились. Хонеккер, как мне казалось, испытывал какое-то напряжение и никак не мог выбраться из сюртука официальщины. Но более всего я был удивлен, что о наших беседах он довольно скрупульно и избирательно информировал своих коллег. Я же, как и во всех других случаях, протокольные записи наших встреч без всяких изъятий направлял всем членам советского руководства.

По мере того как у нас разворачивалась перестройка и расширялась гласность, Хонеккер все более настораживался. И хотя в беседах со мной проявлял сдержанность, чувствовалось явное неприятие демократических перемен. Да и многие в руководстве ГДР весьма болезненно воспринимали происходившие в Советском Союзе процессы...».